

выработки синтетической концепции ее развития, которая могла бы быть положена в основу практических шагов, как на государственном, так и на местном уровнях.

Библиографический список

1. Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В. Пояса и пути Евразии: В поисках человека. М., 2018.
2. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М., 2012.
3. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
4. Иванов А.В. Гупта П.М., Попков Ю.В., Фотиева И.В. Трансевразийские транспортные мегапроекты: проектные замыслы// Регион: экономика и социология. 2017. №4 (96). С.267-284.
5. Иванов А.В. Сибирь как территория мира// Сибирский философский журнал. 2017. Т.15. №1. С.114-128.
6. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
7. Малов В.Ю. Сибирь: место для жизни или только мост между Азией и Европой// Вопросы географии. Сб.148. Россия в формирующейся Большой Евразии». М., 2019. С.263-280.
8. Субботин А. Ковчег надежды. В Сибири опробуют модель развития страны. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poisknews.ru/skript/kovcheg-nadezhdy-v-sibiri-oprobuyut-model-razvitiya-strany>

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 20-011-31304) «Сибирь для всей России: основания и механизмы духовно-экологической цивилизационной трансформации»

М.А. Широкова

Этапы и парадигмы российского Просвещения

Осмысление феномена Просвещения в истории российской и мировой культуры, науки, образования, политики получило новый импульс после появления юбилейного (на данный момент последнего) доклада Римского клуба под названием

«Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Доклад, представленный на рубеже 2017–2018 гг., был написан двумя президентами Клуба, Эрнстом Вайццеккером и Андерсом Вийкманом, с привлечением 38 соавторов, 33 из которых – члены Клуба. В документе сказано о кризисном состоянии современного мира, дана нелицеприятная критика капитализма, либеральной идеологии и рынка, критика, во многом справедливая, но не о ней хотелось бы вести речь в нашем исследовании. К тому же, Римский клуб – это организация, не всегда учитывающая в своих программных разработках интересы России. Тем не менее, доклады Римского клуба во многом формируют повестку современной мировой элиты, повестку, по выражению самих авторов, «ответственного глобализма», таким образом, их необходимо анализировать.

В контексте нашей проблематики, заслуживает внимания то обстоятельство, что «ключевым моментом» доклада является концепт «нового Просвещения».

Если говорить об имеющейся обширной литературе по теме русского Просвещения, то в ней и в настоящее время можно вычлениить элементы дискурса, начатого в XIX в. западниками и славянофилами. Но при всем различии в оценках, большинство авторов говорят об эволюции просветительской мысли в России от «подражательности» к «самобытности». Наиболее отчетливо эта идея прослеживается в работах В.Ф. Пустарнакова [1, 2]. О комплексном влиянии внешних и внутренних факторов на становление русского Просвещения пишут современные исследователи Г.Ф. Перетягкин и Т.П. Днепровы [3, 4].

В докладе Римского клуба намечен образ «Нового Просвещения». Он «предполагает фундаментальную трансформацию мышления, результатом которой должно стать целостное мировоззрение». Мировоззрение «гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем» [5]. Целью «Нового Просвещения» Римский клуб провозглашает «комплиментарность и синергию через примирение противоположностей и достижение баланса в разных сферах человеческого существования» [5]. Принцип «баланса», упомянутый в тексте доклада, заставляет вспомнить знаменитый

принцип «меры» или «золотой середины», принятый философами еще в античности.

Не углубляясь в многообразие толкований тезисов программы «Нового Просвещения», присоединимся к мнению Г.Ф. Перетяткина, который пишет: «Само появление такой программы с её идеями говорит о глубоком духовном кризисе современного общества, сформированного на принципах старого Просвещения со всеми его давно бросавшимися в глаза и до сих пор «вдохновляющими» Европу достоинствами, и постепенно проявившимися ограниченностями» [3, с. 62].

Среди «ограниченностей» старого Просвещения стоит выделить, в частности, кризис морали и социальных норм как таковых, поскольку авторитет морали трудно совмещается с представлением о человеке как естественном существе, о его естественной и неизменной, преимущественно биологической, природе. Отказ от противопоставления сущего и должного в человеческой природе означает, что индивид, с точки зрения философов-просветителей, никогда не был лучше и не будет. Однако именно такому индивиду рационально навязываются нормы морали, заимствованные из классической этики, что и предопределило крах проекта Просвещения и аномию морального сознания современного общества [6]. Об этом пишет, в частности, американский исследователь проблем современной этики А. Макинтайр, утверждающий, что проект Просвещения в обосновании морали был обречен [7]. Отметим, что представители русского Просвещения, о которых пойдет речь далее, стремились предотвратить кризис общественной морали, придав просвещенческой идее прогресса аксиологическую направленность.

В дискуссию о позитивных и негативных сторонах прежнего Просвещения, о его кризисе и о необходимости формирования Просвещения «нового» уже несколько десятилетий назад включились и отечественные авторы. Разумеется, их исследовательский интерес сосредоточен, главным образом, на проблеме места и роли России в просветительском проекте.

В этой связи, можно вспомнить идеи, высказанные в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В.Ф. Пустарнаковым. В ряде своих работ, посвященных истории философии и политической мысли

в России, ученый предлагал изменить представление о хронологических рамках русского Просвещения. Общепринятая точка зрения относилась к отечественному Просвещению, как к правилу, ко второй половине XVIII – первой четверти (или трети) XIX в., а Пустарнаков, в противоположность большинству советских исследователей, считал, что Просвещение в нашей стране имело место в более позднее время [1, 2].

Отдавая должное происходившему в XVIII – первой трети XIX вв. процессу ускоренной европеизации страны, В.Ф. Пустарнаков отмечает, что просвещенческие концепции в России еще не созрели в этот период настолько, чтобы оформиться в самостоятельное направление, аналогичное французскому Просвещению. Занимая по данному вопросу «умеренно-западническую» позицию, автор указывает, что только французское Просвещение «стало Просвещением наиболее чистого, наиболее развитого, классического типа». Далее он пишет: «Соответственно, другие национально-региональные разновидности Просвещения являются в каких-то отношениях «недопросвещением», а в других – «пост-просвещением» [1, с. 61].

Таким образом, согласно концепции В.Ф. Пустарнакова, вызревание российского Просвещения начинается формальным этапом заимствований, к которому исследователь относит идеи А.Н. Радищева, Н.И. Новикова и других мыслителей. Отчасти полемизируя, отчасти соглашаясь с В.Ф. Пустарнаковым, Г.Ф. Перетягькин характеризует этот этап как «вторичную внешнюю рефлексию» по отношению к столь же вторичной и внешней петровской европеизации России. Завершается же данный вторичный этап в 40-е гг. XIX в. С нашей точки зрения, этап некритического «подражательства» завершается несколько раньше, в 1830-е гг., когда можно говорить о появлении национального самосознания, достигшего вершин в русской классической литературе (прежде всего, в творчестве А.С. Пушкина) и дошедшего уже до обобщений философского уровня [8].

Необходимо отметить также, что обозначенный Пустарнаковым рубеж возникновения самостоятельного

Просвещения в России – 1840-е гг. – это время начала полемики западничества и славянофильства. Сам автор относит к числу деятелей русского Просвещения именно западников (В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского и др.). Что касается славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина), то они, в концепции Пустарнакова, предстают как своего рода антипросветительское течение. Дело в том, что одной из черт классического Просвещения Пустарнаков называет антиклерикализм и антетеологизм. Следовательно, религиозная концепция просветительской быть не может, поскольку Просвещение предполагает сугубо рационалистические установки. Во многих современных исследованиях заметен отход от данного тезиса. Даже в упомянутом докладе Римского клуба авторы идеи «нового Просвещения» «обращают внимание на несправедливость критиков религии, не замечающих её позитивного вклада в человеческую цивилизацию» [5]. Г.Ф. Перетяткин справедливо указывает, что «в оценке «позитивного вклада» и необходимости «религиозного Просвещения» «Римский клуб» повторяет то, что было давно ясно русским философам и писателям, носителям русского Просвещения [3, с. 63]. Стоит вспомнить, что именно славянофилы являются родоначальниками русской философии [9].

Наряду с уточнением хронологических рамок российского Просвещения, предметом обсуждения современных авторов становится логика его развития и столкновение течений внутри него. Так, в работах Т.П. Днепровой славянофильство и западничество рассматриваются как выражение двух парадигм просветительского движения в России, своего рода диалектических противоположностей, постоянно борющихся, сменяющих и дополняющих друг друга – консервативной и либеральной [4]. В строгом идеологическом смысле, это не совсем так, поскольку в учении ранних славянофилов присутствовало множество либеральных ценностей, а в концепции западников (например, Б.Н. Чичерина) встречаются ценности «охранительные». Кроме того, комплекс идей, общих как для славянофильства, так и для западничества, включает значительную социальную составляющую. Не случайно

А.И. Герцен писал о возможности примирения идейных противников на почве социализма [10]. Представляется более точным (как иногда и делает Т.П. Днепров) назвать две парадигмы Просвещения в России «культурной» и «цивилизационной». Данные парадигмы содержат большое количество ценностных оппозиций. Предложим следующий ряд противопоставлений: «традиция» – «инновация», «национальное» – «общечеловеческое», «воспитание» – «обучение», «внутреннее» – «внешнее», «ценности» – «знания», «мораль» – «право», «цели» – «средства», «содержание» – «форма» и т.д.

Борьба двух ценностных систем, представляя собой важный ресурс социального, политического и интеллектуального развития общества, достигла наибольшей отчетливости в спорах западников и славянофилов, но прослеживается на протяжении всей российской истории. Отсюда, периодизация истории Просвещения в России может быть описана с помощью известной диалектической триады: «тезис – антитезис – синтез». Принцип триад, воспринятый из немецкой классической философии и наполненный «самобытным» содержанием, нередко использовали в своих историко-философских построениях славянофилы.

Вслед за представителями славянофильства можно считать, что первым этапом Просвещения в России, задолго до петровской модернизации, была христианизация. В.Ф. Пустарнаков, как уже было сказано, не рассматривает религиозные формы Просвещения и упоминает о христианских просветителях Древней Руси лишь «в качестве протеста против совсем «безразмерного» понятия «просветитель»» [1, с. 61]. Но понятие «просвещение» (или «образованность») в России XIX в., действительно, трактовалось чрезвычайно широко. В него принято было включать все проявления духовной (а зачастую и материальной) культуры. Таким образом, религия воспринималась как органическая часть первоначального просвещения, в котором разные сферы культуры еще не были разделены. Впрочем, славянофилы высоко ценили и то, что вместе с восточным христианством через Византию на Русь было привнесено наследие античности. Отсюда, по их утверждению, Византия в отечественной интеллектуальной

истории сыграла ту же роль, что Древняя Греция и Рим – в истории стран Запада.

Вторым этапом Просвещения в нашей стране, после христианизации, стала европеизация XVIII в. с ее прорывом в науке, образовании и технике, и, в то же время, отрицанием ценности прошлых исторических эпох, антитеологизмом, атеизмом, антифеодализмом и т.д. Здесь можно согласиться с В.Ф. Пустарнаковым, утверждавшим, что «Просветительская философия – это философия, представляющая определенную совокупность анти-принципов» [1, с. 65]. Характерный для данного этапа просветительской мысли пафос отрицания позволяет обозначить его как антитезис по отношению к предыдущему, христианскому этапу. А.С. Пушкин писал: «Ничто не могло быть противоположное поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная» [11, с. 412]. Вместе с европеизацией и секуляризацией в сознании русского образованного общества происходит формирование негативной национальной идентичности.

На третьем же, самостоятельном этапе российского Просвещения, началом которого стали 30-е гг. XIX в., русская классическая литература, русская философия и наука продемонстрировали синтез элементов первого и второго этапов, синтез культурной и цивилизационной парадигм.

В этот период высшего развития российского Просвещения в нашей культуре и самосознании проявляется самая существенная черта Просвещения как такового, которую в свое время четко обозначил Кант в знаменитой статье «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?»: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого». Известен и девиз Просвещения, сформулированный Кантом: «*Sapere aude!* – имей мужество пользоваться собственным умом!» [12].

Созданная славянофилами русская философия, представлявшая собой теоретически оформленное национальное самосознание, впервые дала возможность понять русскому человеку, что до сих пор он находился в состоянии несовершеннолетия, заимствуя лишь внешние формы чужого просвещения. Еще в 1826 г. один из основателей первого русского философского кружка, куда входили и некоторые будущие славянофилы, – «Общества любомудрия», – Д.В. Веневитинов заметил: «У всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать отечественного: их произведения, достигая даже некоторой степени совершенства и входя, следственно, в состав всемирных приобретений ума, не теряли отличительного характера. Россия всё получила извне; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; отсюда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности» [13].

Спустя несколько десятилетий, словно бы в ответ и на упреки Веневитинова, и на кантовский призыв пользоваться собственным разумом, один из ведущих идеологов славянофильства К.С. Аксаков напишет: «Гораздо легче принимать и повторять, хотя и с толком, чужие мысли, чем думать самому; гораздо удобнее роль смиренного последователя и ученика... чем роль самобытного деятеля, все подвергающего собственной критике... гораздо меньше труда быть несамостоятельным и гордо светиться чужим, заемным, дешево добытым блеском». В свойственной ему острой полемической манере Аксаков заявлял: «Как человек, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого: так народ, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого (следовательно, бесплоден и бесполезен)» [14, с. 201]. Русскому народу и человеку, по мысли славянофилов, необходимо не просто научиться пользоваться собственным умом, но и критически исследовать самого себя, свою сущность, границы своей свободы в мире и возможности их расширения. Только тогда Россия будет способна внести свой вклад в дело общечеловеческого просвещения и движения по пути нравственного и политического прогресса.

Итак, развитие Просвещения в нашей стране можно рассматривать как прохождение определенного диалектического цикла, включающего в себя три стадии: первоначальная стихийная неразделенность всех сфер жизни и сознания человека и общества – модернизация и рационализация сознания, но, вместе с тем, некритическое восприятие чужого опыта – саморефлексия и формирование собственной культурно-цивилизационной идентичности.

Библиографический список

1. Пустарнаков В.Ф. Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1860-х гг. и впервые о его кризисе // История философии № 4 М., 1999.

2. Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002.

3. Перетягькин Г.Ф. Русское Просвещение и русская литература. // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология Право. 2018. Том 43. №1.

4. Днепров Т.П. Консервативная и либеральная педагогические парадигмы в культурно-цивилизационной континуальной реальности. // Образование и наука. 2008. №9 (57).

5. Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты (из доклада Римского клуба) [Электронный ресурс]. URL: <http://nbiks-nt.ru/2019/09/16/come-on-kapitalizm-blizorukost-naselenie-i-razrushenie-planety/>

6. Широкова М.А. Индивидуализм и толерантность как принципы политической этики либерализма. // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 3.

7. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М., 2000.

8. Широкова М.А. 30-е годы XIX в. как период теоретического оформления русского национального самосознания // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Девятой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 21–22 июня 2018 г. / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. Барнаул, 2018.

9. Широкова М.А. Концепция славянофилов как исторически первое философское выражение «русской идеи» // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. Т. 1. СПб., 2017.

10. Герцен А.И. Московский панславизм и русский европеизм // Герцен А.И. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1948.

11. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской. // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1959 – 1962. Т. 6. Критика и публицистика.

12. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? [Электронный ресурс]. URL: http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=344

13. Веневитинов Д.В. Несколько мыслей в план журнала // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wenewitinow_d_w/text_0090-1.shtml

14. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981.

М.Ю. Спирина

Гуманитарное измерение евразийской интеграции

Региональный интеграционный процесс на евразийском континенте, получивший наименование «евразийская интеграция», развивается весьма непростым путём. В нём неизменно присутствует дезинтеграционный фактор, определяемый, прежде всего, интересами новых национальных элит государств, являющихся участниками этого процесса. По этой причине эксперты неоднократно отмечали, например, «торможение» деятельности интеграционного объединения. В результате анализа текущего состояния региональной экономической интеграции специалисты сделали вывод, что «дезинтеграционные процессы в постсоветском пространстве во многом имеют природу именно социокультурного и гуманитарного размежевания, в которой национальные ценности и идентичности начинают превалировать над «общесоюзными» («евразийскими» и т.п.) даже при высокой